

Анна КУЗНЕЦОВА

-Я не знаю, не понимаю, что такое возраст. Банальность, но тебе всегда столько лет, на сколько ты себя ощущаешь. Какая у тебя энергетика. Жизнь идет неостановимо, она всегда движется, и всегда — только сегодня. Дело не в том, как ты выглядишь, а в понимании сегодняшнего дня, момента, в котором ты существуешь. Твоя отправная точка — только в сегодняшнем дне. И с молодым поколением ты должен разговаривать не на расстоянии вытянутой руки, не с позиций прожитых лет, а на равных. Конечно, пожилой бухгалтер тянется к привычным деревянным счетам, а молодые, даже дети, сидят за компьютерами. Но так можно и разбежаться в разные стороны...

— **Вы-то сами умеете работать с компьютером?**

— Нет. Мы — другое поколение. Я всегда мечтал играть на рояле и разговаривать по-английски. Увы!... Нынешние молодые, мне кажется, понимают все про нас, они смотрят нам в глаза и жалеют за то, что произошло с нами от революции до 90-х годов. И им есть за что нас пожалеть. Будущее всегда за молодыми, и ты, если остаешься современным, должен быть с ними. Говорят — не приведи Господь жить в эпоху перемен. Но человеку Бог дал жизнь каждому в своем отрезке. Человек познает, борется, его затаскивает в воронку, он или погибает, или выигрывает с новыми силами... непонятно, кто мы, Европа — Азия? Нам нигде нет места, кроме как здесь и сейчас.

— **Воспоминания, прошлое входят в вашу сегодняшнюю жизнь?**

— Они всегда при мне. В этих стенах, в которых мы с вами сидим (разговариваем в «Ленкоме» — А.К.), выходили на сцену Берсенева, Бирман, Гиацинтова... Я никогда их не видел, но они в моей генетической памяти. Не говоря уж о Евгении Павловиче Леонове, Эфросе, Валентине Гафте, Леве Круглом, Шуре Ширвиндте, Тоне Дмитриевой, Оле Яковлевой...

В России, как нигде, умеют забывать. Может быть, потому, что нам наплевать на свою историю? Оценивая настоящее, трудно бывает разобраться, что на самом деле важно, что — не очень... Вот были «исторические» съезды партии... Подул ветер, и кто теперь о них помнит?

Для меня важна Собачья площадка, которой уже нет, Конюшенный, Афанасьевские переулочки... А те, кто родились в роддоме Грауэрмана, — мои родственники. Все это в моей энергетике, в ауре... Так же как мои фильмы: от первого — «Мой младший брат» по аксеновской повести, в котором я снимался еще будучи студентом 4-го курса «Шуки», и все остальные: «Чистые пруды», «Два билета на дневной сеанс», «Большая перемена», «Одинокая женщина желает познакомиться»... Я ощущаю, что они и сегодня продолжают свою жизнь, их смотрят. Я рад этому.

— **Как вы сами себе на экране?**

— Интересно. Конечно же, я был другой. В «Младшем брате» у меня даже голос другой...

— **Ваши герои влияли на вас?**

— Ну почему они должны на меня влиять? Это всегда отдельно: жизнь и искусство. Жизнь ничем не прикрыта, она беспощадна, а театр, кино — иные, это иллюзия, придуманное. Характер, образ, который я создаю как артист, не могут меня изменить. Меняет жизнь. Есть в каждом исходная часть характера и каждодневное познание. Никому не дано знать, куда он идет, да и вся страна наша этого не знает...

— **Есть какие-то мысли, рожденные торжественностью момента? Все-таки 60! Не хочется подвести какие-то итоги?**

— Нет, категорически. Для меня вообще день рождения — не праздник. Опять приходится вспоминать и расстрелянного отца, и сосланную мать... Сызмальства никогда не устраивались в мою честь застольные пиршества, когда бы приглашали гостей, резали салаты, жарили свиную ногу... Не было этого. И я о том ничуть не жалею. А с определен-

Вс. Москва - 1998 - 30 марта - с. 6
Александр ЗБРУЕВ:

Я Родине не задолжал

Самому вневозрастному актеру страны — 60

ного возраста день рождения и вовсе — невеселый день. Это у нас — советское: юбилей — итог — отчет — пятилетка... Все остальные дни — ничто, а один — особенный... К тому же терпеть не могу шумные застолья с чужими тебе людьми.

— **Зачем же с чужими? Много ли друзей, которых вы бы хотели видеть рядом с собой в этот день?**

— Мало. С каждым годом все меньше и меньше.

— **Семья у вас большая?**

— Об этом я никогда не говорю. Есть люди, которые любят фотографироваться всей семьей вместе ходить на лыжах. Это не про меня. Нынче стало принято в газетных откровениях раздеваться до трусов... Нет, ни анекдоты не рассказываю, ни своей частной жизни не обнаруживаю. На сцене открываешь сердце, душу, но это — на сцене...

— **Женщины большую роль в вашей жизни играют? Мама. Любимые.**

— Ну мама — это отдельно стоящий человек. Есть Бог, мать, отец, это — святое. А что касается женских чар, конечно, мужчины находятся под их воздействием. Ради женщин много делается. Они могут мощно, сильно повлиять на решение мужчины.

Про Сашу Збруева, знаменитого актера, который ни в какую не хочет становиться Александром Викторовичем, кажется, все сказано и известно. И про его нелегкое детство, где расстреляли папу и сослали маму, и про арбатские дворники, с которыми он кровно связан. Про его кино- и театральные роли... И, конечно, про непроходящую статью и молодость. Ну как не повториться?! Действительно, он поразительно моложав. По-юношески стройная фигура, легкая быстрая походка, острая мгновенная реакция, живые цепкие глаза. Да и морщины будто бы не столько от возраста, а — от мыслей, воли, характера...

Вс. Москва - 1998 - 30 марта - с. 6
Александр ЗБРУЕВ:

— **А вы любите сильных женщин?**

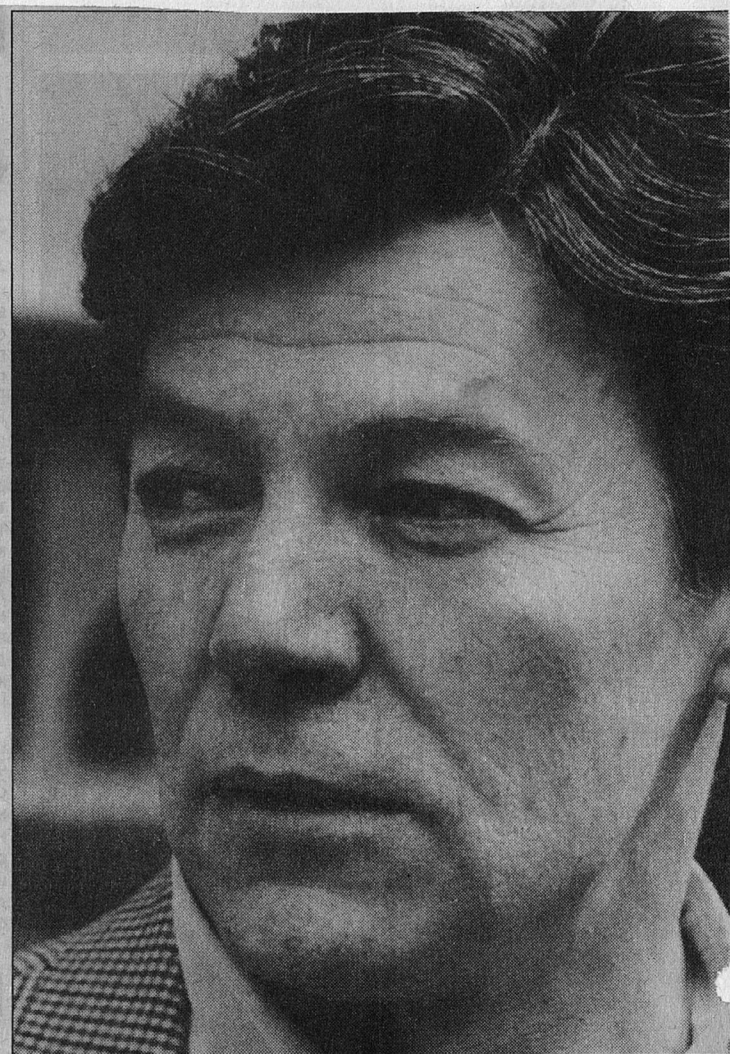
— Да, мне нравятся сильные женщины. Женщины очень изменились в последнее время. Вы стали больше заниматься собой, стали намного красивее. Это труд, это бойцовские качества. В борьбе за выживание женщина должна участвовать, что вы и делаете.

— **Вы боец?**

— Я не боец... Никогда не был инициативным. Даже скорее ленив. Но когда надо выживать, защищать близких, делаюсь бойцом. Жизнь закаляет. Ради страны, Родины я никогда ничего не делаю. Эти слова мне чужды. Родина так много обманывала, отняла родных и близких, истерзала. Она нам должна, не мы ей. Я все делаю для самого себя, для близких. Они ждут тебя, любят тебя. Ты за них несешь ответственность. Мужчина должен оставаться мужчиной, у каждого свой способ выживания.

— **И все-таки, внутри вас существует понятие Родины?**

— Родина — это Москва, с которой я слитен. Мне даже кажется, что есть такое особое звание — «москвич», которое я ношу с гордостью. И хоть ностальгически жаль безвозвратно уходящего, мне нравятся перемены в го-

роде и их безусловный лидер Юрий Михайлович Лужков. И есть в городе очень неплохой театр под названием «Ленком», к которому тянутся люди. Здесь много талантливых личностей, которых вот уже 25 лет собирает Марк Анатольевич Захаров. У меня ведь ни другого города, ни другого театра в жизни не было. Я люблю путешествовать, наверное, объездил весь мир. Но не смог бы жить ни в какой другой стране, кроме своей. Вот были инакомыслящие, которые уезжали и... оставались несчастными людьми. Поэтому как ни трудно, тяжело — там ничего для нас нет. Только здесь.

— **Есть еще неприемлемые, невозможные для вас поступки?**

— Я не терплю предательства. Когда-то был уязвим и много страдал от этого. Сейчас стал выше, стараюсь не замечать... Ненавижу хамство, приспособленчество, лизоблюдство. Но я не гуру, не учитель, не понимаю само слово «воспитание». Оно для меня какое-то колючее... Я просто делаю свое дело, нелюбимым делом никогда не занимался. А если от этого кому-то становится хорошо, а потом еще кому-то хорошо... И еще кому-то... Вот она и есть — цель.